

ЗНАКИ ЯСНОГО СЕЗОНА

**Теплые и жаркие семиаридные и аридные
состояния погоды**

Уже пятый день вид
истомившей зрение примелькавшейся местности
кажется принадлежащим другой, или, точнее, – обеим сразу,
откалькированным друг с друга с изменением
оттенков фона и контуров.

И это, похоже, так же невероятно,
как то, что происходит день ото дня, когда местности
характеризуются географическим рассредоточением
на стыке времен года и, как следствие,
размытостью очертаний:
неумолимо долго, почти незримо,
не без чешуйчатых наслоений.

Не претерпевая, так сказать,
изменения местоположения, чувствуешь себя
предыдущим жителем, перемещенным с нажитых мест,
либо попросту уничтоженным
тутошней географией.

Наветренный склон Дождливой –
по нему стекают одни лишь потоки воздуха –
являет собой подветренный.
Исток, он же Устье,
не поворачивает на юг, но продолжает течь
в сторону солнечного восхода, особенно – летнего,
будто там и находится илистый водоем Камболи.
Илистый водоем Камболи
напоминает по форме
полуувядший трилистник.

Юрий Гудумак родился в молдавском селе Яблони в 1964 году. Окончил геолого-географический факультет Одесского университета, работал в Институте экологии и географии Академии наук Молдавии. Автор семи поэтических книг. Лауреат премии Союза писателей Молдовы (2012). Стихи публиковались в изданиях «Новое литературное обозрение», «TextOnly», «Воздух», «Цирк "Олимп" + TV», «L5», «Флаги», «Волга», «Новая Юность», «Новый Берег», «Литература», «Артикуляция» и др., переводились на английский и румынский языки.

Так,
когда ручей, напоив, сжеживает его,
трилистник, усыхая, кажется вдруг желтеющим,
и его изменившийся цвет
легко принять за осеннюю окраску.

*Vanessa**

(*понятно, что это,
словами науки, *Vanessa* – *Vanessa cardui*,
которая вышла замуж за южный ветер где-нибудь
в Сирии, Египте или в Верхней Ливии)
сливается с общим аспектом растительности
почти до неразличимости.
Если так будет продолжаться и впредь,
то общий аспект растительности перейдет в желто-бурый
теплых и жарких семиаридных и аридных состояний погоды,
и для любительницы сладких сочных плодов –
абрикосов и слив – медовый месяц
закончится, не начавшись.

Потому что
листья осыпятся раньше, чем созреет плод:
если не скороспелка, то недозрелая падалица.

У солнцегляда
уже сейчас едкий сок меланхолии, у горькой полыни –
присущий ей цвет: седой.

...Но о том,
что полоса дождей окончательно миновала,
знает лучше выдавший виды сорокопут-
жулан.

Из свежевателя лягушек
сорокопут-жулан
переспециализировался в свежевателя мышей.
Их узкогрудые мышинные тушки,
в серой, полинявшей от многих стирок, шерстке,
хитрым способом насажены на ветвистые, становящиеся
чрезвычайно прочными в эту пору, колючки гледичии,
как на новый скелетный тяж.
Только вместо ушастой мордочки –
свисающая сопля:

ламбдовидно разделяющееся на два шаровидных глаза
мгновение внезапной оторопи –
не испуг и не удивление.

Знаки ясного сезона

Дело, кажется, ясно,
но не бесприкословно.
Наукообразная векторная
диаграмма розы ветров, длины лучей которой,
расходящихся от центра в разных направлениях,
пропорциональны повторяемости ветров этих направлений,
фактически повторяет старый селитебный контур.
Но теперь он из ромбовидного переписывается
в форму неправильного многоугольного трапецоида,
продольная ось которого тянется в пустыню,
не имеющую названия.

Общий уклон долины на юго-восток
совпадает с направлением преобладавших
северо-западных ветров.
Но теперь таковые данные
подтверждаются исключительно признаками,
замеченными на растениях этих мест,
стебли и ветви которых заметно наклонены
к востоку и юго-востоку.

Листья тем ярче,
чем долее действует на листья солнечный свет.
Но чем долее действует солнечный свет,
тем ближе они к опаданию,
тем скорее перейдут, желтея и усыхая,
в еще не описанный растительный вид*
(*настолько старые экземпляры в состоянии отличаться
от молодых).

Еще не истершись,
пуховый налет на листьях если не вызывает,
то во всяком случае облегчает
выпадение росы.
И, подобно тому как частицы пыли
становятся ядрами конденсации атмосферных паров,
лапка жука-краснокрыла, кончик локона-колоска
представляют равновеликую им попытку
образовать росинку.

Решение
относительно ближайшего будущего
предопределено всеми этими обстоятельствами.
Большинство их, как бездождье и засуха,

либо сделались таковыми,
либо станут ими сравнительно скоро.

Но осторожность диктует раньше всего выждать
созревания урожая.

Между тем, третьего дня
я нашел куколку *Argynnis aglaja*, из которой
на следующее же утро вылупилась перламутровка.

Крайний южный предел территории

Несмотря на такое, наблюдавшееся
в течение чуть ли не всей весны,
количество дней с дождем,
балованные в отношении влаги растения
на открытых пригревах и солнышках южных склонов холмов
уже начинают блекнуть:
полуотцветшие, изредка оживляющиеся
каким-нибудь из сонливых чешуекрылых,
посмертной маской длиннорогой гусеницы*
(*бражник мертвая голова), полуотцветшие
тут же перемежаются с полусохшими,
если не переходят в них,
и, прежде чем
рассыпаться в прах, обратиться в прошлогоднюю пыль,
украшаются, точно плодами, жуками рода *Geotrupes* –
совмещают разом весну и осень.

Обыкновенные каждодневные вещи,
как нельзя более смахивающие на бред,
при котором кажется, будто это всего-навсего
рассеивается пасмурная погода, и которым обыкновенно
и начинается здешняя летняя лихорадка:

пространственный сдвиг в полтора десятка
градусов географической широты,
перемещающий химерического субъекта*
(*химерический субъект есть отмеченный
знаками отличия тех мест, откуда он родом)
на расстояние еще тридцати дневных переходов,
что составляет, по его словам, крайний южный предел
его территории.

По крайней мере,
уединенность этих мест

скорее выгадает, чем потеряет,
выкристаллизовываясь в солончаковый мираж –
двоящее зеркало водоема Камболи
из горизонтально напластованной
и иногда окрашенной в пепельно-голубой /
серовато-лазурный цвет спекшейся глины,
в порах которой отложилась кристаллами соль –
сухой мелкий иглистый иней
другого времени года.

От места к месту –
все равно что от одиночества к одиночеству.
И сравнение увиденных (первых) с пережитыми (вторыми)
оказывается благоприятным
для этих последних.

Глитч

Глаз во мраке и сердце в холоде –
те самые локальные экзистенции
в их мятежной конечности и определенности,
которые можно считать доказанными настолько,
насколько того разумно требовать
в наших внутригоризонтальных обстоятельствах:
девяноста вращений Земли, открывающих свойства
птолемеева хоровода светил, пустопорожного
перелицовывания дня и ночи, игры освещения, *etc.*;
но нельзя считать таковыми на период времени,
который совершенно недоступен
для человеческого наблюдения
и которому совершенно недостаточно
превращения Шестоднегов в Физиологи,
Физиологов в Бестиарии, самого принципа письменности,
посредством собственных форм, вероятно, призванной показать,
каким образом человек мог бы выйти
за свои пределы.

Неподвижных собственных форм, а точнее –
уступающих себе место своей неподвижности,
что само по себе уже есть некоторое подобие сдвига,
глитч-эффект, слова Платона, сказанные им о поэте,
что это существо легкое, крылатое
и священное.

Оно ближе к нему,
чем он сам. Это сам живущий,
каковым он останется еще на ближайшее время.

Далеко на юге,
там, где озеровидное
расширение илистого водоема Камболи
простирает себя вовне вереницей местностей,
разгороженных полями, злаковниками,
кустарниковыми залежами, и мало ли чем еще,
очертания складок рельефа кажутся преувеличенно четкими,
не уступая в резкости
аффрикате «ц» просыпающейся цикады,
потрескиванию ссыхающегося травостоя,
точно вся земная их геометрия – принадлежность слуха,
объект которого лишь различные колебания воздуха.

Даже их заставляют парить миражи –
неодинаково нагретые и, вследствие этого,
неодинаково плотные слои
материи нового неба:

сухой средиземноморский
насыщенный хлористым натром
рассол с душицею; токсическая галлюцинация
имеющей силу сушить и противодействовать влаге
сладкой, с привкусом синильной кислоты,
горечи миндаля;
весь этот платоновский *pharmakon*
с его буквицей Эскулапа и вербеной кентавра Хирона...
и шалфейно-тимьянными запахами, приправленными
живицей длинноиглистых пиний...

На татуированном языке

Лепестки тюльпанов,
выгорающие углокрыльницами ц-белое,
или следующие семью цветами позднее
желтый фиоль и алые маки,
сводящий все к огненной стихии,
идеально подходящий им в современники, Гераклит.
Но не будем касаться этого, так как он и сам не хотел,
чтобы другие понимали,
что он там говорит.

Говорит
на татуированном саламандрами
языке извивающегося пламени, пустившем пал по ветру,
дувшему нам в лицо.

Воздух не шелохнется –
после бурь периода равноденствия,
после этих горячих вихрей, уносящих к северу
крутящиеся столбы сахарского радужника-песка,
лишь пушистые паппусы одуванчиков, шелковистые волоконца
льнанок, кончики паутинок
могут быть признаком ветра.
Но пора, когда бездождье и засуха
начинают выпаривать из трав осеннюю новую горечь,
похожа уже на ту, когда в мертвом пучке обычной травы-вещанки
ветер постоянен даже при кажущемся затишье осенних бурь,
осенней солоноватости озер и горечи трав
и они шелестят на языке
вымершего народца.

Потому
до сих пор никто их не понимает,
что они составляют уже принадлежность гениальной эпохи,
которая мыслит в соответствии с шелестом растений,
похожих на болезнь, –
стоящих на степени алалии,
то есть отсутствия речи, а не афазии,
или неспособности к речи.